

конечно дорогой тебѣ отецъ. И эта простота, эта скромность, эта откровенность сердца была для меня въ немъ одна изъ наиболѣе чарующихъ, драгоцѣнныхъ чертъ.

Разъ какъ-то мы разговорились обѣ его восьмидесятилѣтнемъ юбилеѣ, когда въ „Ясную Поляну“ со всѣхъ концовъ земли летѣли тысячи сердечныхъ и теплыхъ писемъ и телеграммъ.

— Вотъ вы были противъ празднованія вашего юбилея,—сказалъ я ему.—А посмотрите, сколько трогательнаго, сколько любви обнаружилось благодаря этому...

— Да, да... — отвѣчалъ Левъ Николаевичъ. — Но весь этотъ шумъ... Если у меня были еще сомнѣнія въ томъ, что я пустой и ничтожный человѣкъ, то этотъ шумъ вокругъ моего имени окончательно разсѣялъ ихъ... Поневолѣ вспомнишь Лао-Тзе *), который говорилъ, что человѣкъ истинно-мудрый не привлекаетъ къ себѣ вниманія толпы. Должно быть, все-таки много всякихъ пустяковъ сдѣлалъ я въ своей жизни...

Но если есть что-нибудь, въ чемъ человѣчество никогда не согласится съ дѣдушкой Толстымъ, это какъ разъ въ его оцѣнкѣ дѣдушки Толстого...

*) Знаменитый китайскій мудрецъ.

